

КонсультантПлюс

Апелляционное определение Ивановского
областного суда от 11.04.2019 по делу N 22-
0510/2019

Приговор: По ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство).
Определение: Приговор оставлен без
изменения.

Документ предоставлен **КонсультантПлюс**

www.consultant.ru

Дата сохранения: 05.06.2022

ИВАНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ
от 11 апреля 2019 г. по делу N 22-0510

Судья

Судебная коллегия по уголовным делам Ивановского областного суда

в составе:

председательствующего судьи А.В. Замазкина,

судей С.Е. Герасимовой, А.В. Кашеваровой,

при секретаре М.,

с участием:

прокурора Краснова С.В.,

потерпевшей ФИО2,

защитника-адвоката Дзиба Л.Н., ордер N,

осужденного В. (с использованием системы видеоконференцсвязи),

рассмотрела в открытом судебном заседании апелляционные жалобы осужденного и его защитника адвоката Л.Н. Дзиба на приговор Тейковского районного суда Ивановской области от 30 января 2019 года в отношении

В., <данные изъяты>, ранее судимого:

- приговором Ивановского областного суда от 06 мая 2004 года (с учетом изменений, внесенных постановлением Кинешемского городского суда Ивановской области от 4 февраля 2008 года) по п. "а, б, в" ч. 2 ст. 313 УК РФ (в редакции Федерального закона до 8 декабря 2003 года N 162-ФЗ), п. "а" ч. 2 ст. 166 УК РФ к 6 годам лишения свободы; на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения вновь назначенного наказания с назначенным по приговору Тейковского районного суда Ивановской области от 16 октября 2003 года наказанием, - к 6 годам 11 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима;

- приговором Тейковского районного суда Ивановской области от 21 сентября 2004 года (с учетом изменений, внесенных постановлениями Кинешемского городского суда Ивановской области от 04 февраля 2008 года и Ивановского районного суда Ивановской области от 10 июня 2011 года) по ст. 111 ч. 3 п. "а" УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года N 26-ФЗ) к 7 годам 5 месяцам лишения свободы, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенного наказания с наказанием, назначенным по

предыдущему приговору, - к 9 годам 4 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Освобожден 5 октября 2012 года по отбытию срока наказания,

осужденного за совершение преступления, предусмотренного [частью 1 статьи 105 УК РФ](#), к лишению свободы сроком на 12 лет с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев с установлением ограничений и обязанности согласно приговору, с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

Приговором частично разрешены гражданские иски. С В. в пользу ФИО2 в счет компенсации морального вреда взыскано 1.500.000 рублей, а также за потерпевшей признано право на удовлетворение гражданского иска о возмещении расходов на погребение.

Заслушав доклад председательствующего судьи А.В. Замазкина о содержании приговора и доводах апелляционных жалоб, мнения защитника и осужденного, просивших об удовлетворении их доводов, а также мнение потерпевшей и суждение прокурора, полагавших приговор законным и обоснованным, не подлежащим изменению по доводам жалоб, судебная коллегия

установила:

В. осужден за совершение в ночь с 05 на 06 октября 2017 года в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, умышленного причинения смерти ФИО3.

Обстоятельства совершения преступления подробно изложены в приговоре.

В. полностью не признал виновность в совершении преступления.

С приговором не согласилась адвокат осужденного Дзиба Л.Н., в апелляционной жалобе, указала на следующие обстоятельства:

- отмечает несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре фактическим обстоятельствам уголовного дела, и существенное нарушение уголовно-процессуального закона;

- ряд доказательств по уголовному делу является недопустимым, в том числе и заключение эксперта N;

- просит об отмене приговора и передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

В дополнении к апелляционной жалобе, датированном 12 марта 2019 года, защитник также отмечает, что:

- обобщенная судебная практика Верховного суда РФ, отраженная в постановлениях его Пленума, указывает, что обвинительный приговор не может быть основан на одном доказательстве. По делу должна быть установлена их совокупность, а отсутствие достаточной совокупности доказательств свидетельствует о невозможности постановления обвинительного приговора;

- таким образом, приговор Тейковского районного суда Ивановской области, основанный только на показаниях ФИО4, заинтересованного в исходе дела, является незаконным. Все остальные

доказательства не могут рассматриваться, как их совокупность, указывающая на виновность В. в совершении преступления;

- приводя показания В., в которых акцентируется среди прочего негативное отношение именно свидетеля ФИО4 к ФИО3, защита находит их стабильными и последовательными в период всего расследования и рассмотрения дела судом первой инстанции;

- органом предварительного следствия и судом было отказано в получении видеоматериала, по которому можно было проследить передвижение В., по причине того, что место обнаружения трупа было в другом месте. При этом никто, кроме ФИО4, не может подтвердить, что убийство было совершено в данном месте;

- ФИО4 дал показания против В. Общась с братом осужденного в присутствии ФИО5, ФИО4 говорил, что поменяет показания, если его попросит следователь; о том, что о якобы похищенном ФИО3 у В. телефоне, ему стало известно от ФИО6;

- отец ФИО4 является бывшим сотрудником Тейковского отдела полиции. 06 октября 2017 года ФИО4 первым оказался в отделе полиции, как он туда попал и в связи с чем, это осталось невыясненным;

- в показаниях ФИО4 указывает, что ФИО7 делал В. в баре замечания, однако данный свидетель не подтвердил этого факта;

- была изучена детализация телефонных переговоров, исходя из которой следует, что в период производства с ФИО4 следственных действий, прямо в указанное время, он неоднократно писал смс-сообщения своей сожительнице, другу ФИО7, разговаривал со своим отцом. Все эти обстоятельства свидетельствуют о тенденциозности показаний данного свидетеля;

- нелогичными, со слов ФИО4, выглядит и поведение В., который якобы, совершив преступление в отношении ФИО2, стоял у головы последнего и даже, увидев свет фар автомобиля, не попытался скрыться;

- суд необоснованно критически отнесся к показаниям ФИО5, указав на то, что она являлась сожительницей В., имеет основания свидетельствовать в его пользу;

- суд обосновал приговор недопустимыми доказательствами:

- протоколом выемки одежды ФИО4. Как установлено из его показаний 06 октября 2017 года ФИО4 прибыл в следственный комитет не в той одежде, что была на нем в ночь с 05 на 06 октября 2017. Согласно протоколу выемки одежды и обуви у ФИО4 выемка проходила с 20 часов 05 минут и окончена в 20 часов 20 минут. На фототаблице к протоколу следственного действия сам ФИО4 отсутствует. Из показаний ФИО8 следует, что из следственного комитета ФИО4 вернулся в 22 часа в той же одежде, в которой туда уехал, а это была именно та одежда, которая была на ФИО4 в ночь с 05 на 06 октября 2017 года;

- заключением эксперта N от 06 октября 2017 года, в котором не указаны методики производства экспертизы, не отражена используемая литература, давность наступления смерти и ее причина, механизм образования повреждений и степень их тяжести; время начала проведения

экспертизы, выводы по которой легли в обоснование заключения N, указано не верно и не может быть уточнено способом, которым это сделано стороной обвинения; неясно, на основании каких именно исследований экспертом установлена причина смерти. В акте исследования трупа отражено, что исследование производилось с целью установления диагноза, но таковой так и не был установлен. Диагноз механическая асфиксия поставлен среди прочего и по нехарактерным для этого признакам: отеку легких, а прикусывание кончика языка могло быть вследствие полученных повреждений. Кроме того, общеасфиксические признаки встречаются и при других состояниях, когда смерть наступает быстро. Цианоз лица, как признак асфиксии, отсутствовал у ФИО3, равно как и непроизвольное мочеиспускание, дефекация и семяизвержение; таким образом в ходе исследования смерть от асфиксии или смерть от шока фактически не установлены, поскольку признаки их могут быть одинаковыми; приводя ссылки на нормативную документацию относительно организации и производства судебно-медицинских экспертиз, отмечает, что никакими из указанных нормативных актов ни приказом N 346 н, ни **УПК** РФ не допускается оформление экспертного исследования, проведенного в рамках экспертизы трупа, какими-либо отдельными актами исследований. Указанный выше приказ вообще не содержит понятия акт исследования; ни ФИО9, ни ФИО10, ни Е. (лица, проводившие химические и гистологические исследования) не предупреждены об уголовной ответственности по **статье 307** УК РФ. Никому из них не поручалась экспертиза трупа ФИО3. Действия данных лиц незаконны, а все приведенные выводы не отвечают требованиям достоверности. В связи с этим, в актах описания проведенных исследований, если таковые проводились, невозможно проверить достоверность сделанных выводов. Допросы ФИО9, ФИО10, ФИО11 судом не проводились. Вместе с тем, именно результаты гистологического исследования дали возможность эксперту ФИО12 сделать вывод о причине и времени смерти. Эксперт ФИО12 так и не назвал время начала производства экспертизы, предположив, что она была начата в 11 часов 30 минут. Свидетель ФИО13 указал, что до возбуждения уголовного дела им никакие экспертизы не назначались; при производстве экспертизы экспертом не исполнено поручение следователя о получении ногтевых срезов, образцов волос;

- протоколом осмотра места происшествия. В нем не отражено участие при производстве следственного действия эксперта ФИО12, который осматривал труп ФИО2, в нем не отражено, что имелись следы волочения трупа, что подтвердили свидетели ФИО2 и ФИО14. Также не были изъяты следы протектора колеса от машины, а также обуви, которые видны при осмотре фототаблицы; из допроса потерпевшей ФИО2, свидетелей ФИО14, ФИО15 и ФИО16 установлено, что ФИО2, а также понятая ФИО17 покидали место осмотра на длительное время, при этом само следственное действие не прерывалось;

- протоколом следственного эксперимента, в котором следователь неоднократно задавал ФИО4 прямо наводящие вопросы. В. отметил, что у него имелись сомнения относительно того, были ли участвующие лица в трезвом состоянии;

- заключением эксперта N от 05 марта 2018 года, поскольку экспертиза была назначена незаконно. Вопрос, поставленный перед экспертом в указанном постановлении, был предметом исследования в заключении N от 30 января 2018 года. Из постановления о назначении дополнительной экспертизы не следует, что заключение эксперта N от 30 января 2018 года составлено недостаточно ясно;

- протоколом допроса В. в качестве подозреваемого от 06 октября 2017 года, поскольку В. допрашивали в состоянии опьянения и без защитника, что указано в отдельном ходатайстве;

- заключением эксперта N от 23 ноября 2017 года, в котором не понятно, поскольку не имеется ссылки на фото, про какую, и чью конкретно обувь эксперт делает вывод;

- суд в описательной части приговора указал, что В. левой рукой обхватил шею ФИО3 и стал ее сдавливать, перекрывая доступ кислорода в легкие, а впоследствии нанес правой рукой 5 ударов по голове и 1 удар в область туловища. Анализируя установленные судебно-медицинской экспертизой телесные повреждения, установленные у ФИО3, его антропометрические параметры (вес не менее 80 кг), нанесение таковых повреждений, как они описаны судом, невозможно;

- отдельно отмечает неприязнь со стороны ФИО4 к ФИО3 по причине того, что их общий знакомый ФИО19 лишился жилья из-за ФИО3;

- полагает, что в протокол осмотра места происшествия не были включены сведения о волочении трупа ФИО3, хотя это следовало из показаний свидетеля ФИО20 потерпевшей ФИО2. Описание трупа дает основание полагать, что тело перемещали;

- изъятые при осмотре места происшествия сотовый телефон и нож следователем не направлялись для дактилоскопической экспертизы;

- не изъята обувь подходивших к трупу сотрудников полиции и свидетеля ФИО20;

- со ссылкой на показания свидетеля ФИО7 отмечает, что между В. и ФИО3 не было конфликта;

- свидетель ФИО5 охарактеризовала В. исключительно с положительной стороны. В состоянии опьянения он ведет себя адекватно. Она полагала, что между ним и ФИО3 приятельские отношения;

- свидетель ФИО18 отметил, что ФИО4, когда выпьет спиртного, становится неадекватным, может полезть в конфликтную ситуацию. В. также со слов ФИО4 говорил, что последнему якобы угрожали, что, если он не даст показания против осужденного, тогда "сядет сам";

- постановление о возбуждении уголовного дела, заявление и показания потерпевшей, показания свидетелей ФИО21, ФИО22,23, ФИО24, ФИО8, ФИО15, ФИО20, ФИО25, ФИО14, ФИО35, ФИО36, ФИО16, ФИО33, ФИО29, ФИО5, ФИО18, ФИО30, ФИО31, ФИО32, детализация телефонных соединений, ряд проведенных экспертиз, протоколы осмотра вещественных доказательств ни прямо, ни косвенно не доказывают факт причастности к преступлению именно В.;

- единственный изобличавший В. свидетель ФИО4. Однако его показания в совокупности с иными доказательствами вызывают сомнения. Свидетелю ФИО7 об обстоятельствах случившегося известно исключительно от ФИО4, что не может расцениваться, как совокупность доказательств;

- кроме того, по делу не проводился следственный эксперимент на предмет, мог ли ФИО4, проезжая на автомобиле ночью, без уличного освещения увидеть события, о которых он рассказал в ходе допроса. ФИО4, утверждая, что испугался, не пошел домой, а пошел в другую сторону от дома, такое поведение вообще непонятно;

- согласно заключению эксперта N у трупа ФИО3 обнаружены многочисленные телесные повреждения в области головы и туловища, причем прижизненные, что противоречит показаниям

свидетеля ФИО4 о механизме совершения преступления;

- из первоначального заключения ситуационной экспертизы N следует, что истинный механизм образования травмы у ФИО3 не соответствует описанию механизма ФИО4 при проведении проверки показаний на месте. Спустя 4 месяца проводят следственный эксперимент с ФИО4 и назначают дополнительную экспертизу. При этом органу предварительного следствия уже известно, по какой причине первоначальный результат экспертизы был отрицательный. После назначения дополнительной экспертизы эксперт дает заключение о соответствии механизма, описанного ФИО4 при производстве следственного эксперимента, и механизма причинения травмы шеи ФИО3;

- объяснение ФИО4 о том, что статист в ходе первоначальной проверки показаний на месте был существенно выше, не соответствует материалам дела;

- просмотренные видеофайлы опровергают показания ФИО4 о поведении В. как неприязненного по отношению ФИО3 в баре и наоборот указывают на такое со стороны ФИО4 к ФИО3;

- органы следствия не изъяли запись видеорегистратора из машины ФИО4;

- на В. не обнаружено видимых телесных повреждений, в том числе в области рук, что доказывает отсутствие борьбы;

- мотивом совершения преступления указано, что у В. был похищен ФИО3 телефон "Самсунг Галакси А5", на самом деле из показаний В. следует, что ФИО2 взял у него другой "кнопочный" телефон;

- просит об отмене обвинительного приговора и передаче уголовного дела на новое разбирательство со стадии подготовки к судебному заседанию.

В апелляционной жалобе осужденный указал, что:

- выводы суда не основаны на фактических обстоятельствах, исследованных судом, судом допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Ряд доказательств является недопустимым, в том числе и заключение эксперта N;

- просит об отмене приговора и передаче уголовного дела на новое разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки.

В дополнительной апелляционной жалобе от 15 марта 2019 года осужденный также отмечает, что:

- показания ФИО4 о том, что из бара В. выходил с ним (ФИО4) и обещал утопить ФИО3 в реке и прикопать в лесу, носят противоречивый характер. Они противоречат видеоряду из бара, на котором видно, что он с ФИО4 из бара для отдельного разговора не выходил;

- ФИО4 в показаниях от 06 октября 2017 года указывал, что часть диалога была в присутствии ФИО7, который при допросе отрицал эти обстоятельства. Наоборот указывал, что поведение В. в отношении ФИО2 в баре не менялось. При этом ФИО7 отметил, что именно у ФИО4 была неприязнь

к ФИО3, в связи с квартирами покойного ФИО19;

- приводя показания ФИО4, отмечает их непоследовательность об обстоятельствах наблюдаемых им событий. Показывая на место, которое он видел при совершении якобы преступления, ФИО4 указывает одну локацию, а, описывая место, где он проезжал на машине и наблюдал происходившее, указывает на иное место;

- описание ФИО4 места расположения трупа не соответствует тому описанию, которое отражено в протоколе осмотра места происшествия;

- суд не дал оценки тому, что с того места, где, проезжая в автомобиле, ФИО4 якобы видел труп ФИО3 этого увидеть невозможно. Обзор с дороги полностью перекрывают стены магазина, а лежащий полицейский находится дальше от места обнаружения трупа, а также там расположены кусты, что видно на фото 3,4,6 с фототаблицы осмотра места происшествия;

- свидетель ФИО5 по описаниям ФИО4 пробовала рассмотреть тот участок местности, который он описывает, и это ей не удалось при чем рассмотреть это она пробовала из разных автомобилей;

- показания свидетелей ФИО7 и ФИО8 о совершенном В. преступлении не могут расцениваться как свидетельские, поскольку эти обстоятельства известны им с чужих слов;

- неверно оценены показания свидетелей ФИО33, которая говорила о том, что хотя и не вникала в разговоры присутствовавших в баре, однако никаких конфликтных ситуаций не было;

- суд принял во внимание его показания, данные им ошибочно, и искаженные в ходе допроса и мотивировал этим непоследовательность показаний осужденного;

- заявил о недопустимости протокола осмотра места происшествия. В протоколе не указан участвовавший при производстве следственного действия эксперт ФИО12, ему соответственно не разъяснялись права и обязанности, он не присутствовал при составлении протокола;

- в протокол следственного действия не были внесены сведения о наличии следов волочения трупа ФИО3, хотя по этим обстоятельствам была допрошена свидетель ФИО2. Не было внесено сведений о наличии следов протектора колеса автомобиля непосредственно рядом с трупом;

- в ходе следственного действия участвовавшая ФИО2 и понятая ФИО17 покидали место его производства;

- выводы суда о допустимости данного доказательства противоречат фактическим обстоятельствам дела. Свидетель ФИО16 показал, что он прибыл на место происшествия в 8 часов 50 минут и был там до 10 часов, присутствующие ФИО2 и ФИО17 уезжали в это время. Свидетель ФИО14 поясняла лично в судебном заседании, что видела следы волочения;

- протокол выемки одежды и обуви у ФИО4 от 06 октября 2017 года был сфальсифицирован. Так, указано, что следственное действие проведено с 20 часов 05 минут по 20 часов 20 минут. Из показаний ФИО4, данных 06 октября 2017 года, следует, что при допросе он находился не в той одежде, что и в ночь совершения преступления. Из показаний свидетеля ФИО8 следует, что вещи

следователем изымались у них с ФИО4 дома. Все происходило при ней, то есть она была фактически участвующим лицом, однако каких-либо прав ей не разъяснялось. Не установлено, куда именно следователь увез одежду ФИО4, где и как она хранилась, и не имели ли к ней доступа посторонние лица, а также когда именно она была упакована в коробки. Выводы суда о допустимости данного доказательства противоречат требованиям закона;

- протокол следственного эксперимента от 21 февраля 2018 года, с участием ФИО4 не соответствует закону. В ходе производства следственного действия ФИО4 указывал, как он наблюдал, когда погибшего тянули за шею;

- следователь задавал наводящие вопросы "тянул вверх?". Только после этого ФИО4 подтвердил формулировку. Далее следователь уточнил, что в ходе допроса в качестве свидетеля ФИО4 нанес удар в область головы, а после сказал "... шеи получается" и ФИО4 это подтвердил;

- таким образом, следователь фактически за свидетеля рассказал об обстоятельствах якобы наблюдаемого ФИО4. Присутствовавший понятой ФИО34 обратила внимание, что не понимает почему было указано, что статист был большого роста. Однако при проверке показаний на месте с участием ФИО4 также было установлено, что статист был с ним одного роста, а при следственном эксперименте выше. При этом, внятных объяснений разницы в демонстрации увиденного от ФИО4 при проверке показаний на месте и при проведении следственного эксперимента, так и не было получено;

- назначение дополнительной ситуационной экспертизы от 21 февраля 2018 года является незаконным, так как данное постановление является полностью дублирующим по отношению к ранее проведенной экспертизе, равно как и вопросы, поставленные перед экспертом;

- ни из постановления о назначении дополнительной экспертизы, ни из иных документов вообще не следует, что заключение эксперта N составлено неполно, а ответы несут недостаточную ясность. По указанной причине заключение эксперта от 05 марта 2018 года является недопустимым доказательством, как и протокол следственного эксперимента;

- суд необоснованно принял в качестве допустимого доказательства заключение эксперта N от 23 ноября 2017 года;

- выводы о том, что отпечатки обуви имеют одинаковую размерно-групповую принадлежность и мотивация суда этими обстоятельствами причастности В. к совершению преступления недопустимы, поскольку определение групповой принадлежности и размера обуви не указывает с очевидностью на принадлежность ее именно В. Кроме того, к трупу ФИО2 подходили прибывшие сотрудники полиции, эксперт, а также свидетель ФИО20, отпечатки чьих следов также должны были оставаться непосредственно у трупа;

- свидетель ФИО5 утверждала, что ФИО4 непосредственно рассказывал ей о том, что его вызвали в следственный комитет для переподписания каких-то документов;

- показания против В. его вынудил дать полковник полиции ФИО6. Сам ФИО4 отрицал данные пояснения ФИО5, заявляя, что она не так интерпретировала его слова, и суд вновь поверил показаниям ФИО4. Однако суд полностью проигнорировал то, что в ходе допроса в январе 2018 года ФИО4 отрицал показания ФИО5, а также отрицал это и в ходе очной ставки с ней;

- полагает, что ФИО4 действительно вызывали для неофициальной встречи в следственный комитет до его допроса в январе 2018 года;

- анализируя показания свидетеля ФИО4, отмечает, что они ставят под сомнение показания ФИО8 о том, что после якобы случившегося он отправился не сразу домой, а к кому-то другому;

- органы предварительного следствия игнорировали его ходатайства, направленные на опровержение показаний ФИО4, в частности отказали: в получении видеозаписей с камер наблюдения по пути их истинного маршрута; проведении проверки показаний с ним для установления данного маршрута;

- в автомобиле ФИО4 имеется видеорегистратор, на который могло быть записано его передвижение, но следствие отказало в изъятии данной записи, исходя из пояснений ФИО4 о том, что регистратор сломан, при этом в судебном заседании было установлено, что видеорегистратор находился в исправном состоянии;

- как мотив совершения преступления указана якобы неприязнь в связи с хищением ФИО3 телефона В. Однако данный телефон В. отдал ФИО3 сам, к моменту событий у В. уже имелся другой телефон. Никаких претензий по поводу каких-либо телефонов он никому не предъявлял. Отмечает, что имеющиеся материалы проверки по факту совершения якобы хищения у него телефона, постановления по результатам рассмотрения данных материалов, являются незаконными;

- несостоятелен вывод суда о том, что В. якобы подтвердил ФИО4 у барной стойки о том, что ФИО3 украл его телефон. Эти обстоятельства ФИО4 узнал от ФИО6;

- по видеоряду из бара видно, что В. и ФИО3 нормально общаются, обмениваются рукопожатиями. В. дает ФИО3 сигареты. Это опровергает показания ФИО34 о том, что у В. был негативный настрой по отношению к ФИО3. Напротив, по видео видно, что ФИО4 негативно относится к ФИО3, не берет из рук ФИО3 лимонад, отворачивается от ФИО3;

- суд признал в качестве отягчающего наказание В. обстоятельства -совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя. При этом, суд не оценил показания ФИО35 и ФИО33 о том, что, придя в бар, ребята были трезвыми и их поведение не изменилось при выходе из бара. Спиртное они употребляли в незначительных количествах;

- напротив его допрос от 06 октября 2017 года является недопустимым доказательством, происходил в состоянии алкогольного опьянения. При этом, только с этим протоколом В. ознакомили путем его оглашения, сам он его не читал. Также оставлены без внимания показания свидетелей ФИО29 и ФИО36 о том, что 06 октября 2017 года в дневное время, В. распивал с ними спиртное;

- заключение судебно-медицинской экспертизы N выполнено с грубыми нарушениями закона;

- время начала экспертизы указано как 06 октября 2017 года в 10 часов 30 минут. В заключении не приведена методика, отсутствуют материалы, иллюстрирующие заключение эксперта. Не указаны лица, присутствовавшие при вскрытии трупа. Причина смерти определена экспертом самостоятельно, при неустановлении указанного экспертом диагноза. Не выполнено поручение следователя эксперту о получении образцов;

-
- в заключении эксперта отражены сведения, полученные экспертом самостоятельно при обследовании трупа и до вынесения следователем постановления о назначении СМЭ. 06 октября 2017 года в 10 часов 30 минут труп еще находился на месте его обнаружения. Уточняя время начала экспертизы, эксперт так и не смог определиться с ним достоверно;
 - по показаниям свидетеля ФИОб следует, что труп был раздет и обмыт, а в заключении эксперта описана одежда трупа, чего не могло быть;
 - экспертом отражено кровоизлияние в мягких тканях шеи в области подъязычной кости справа и слева, тогда как согласно гистологическому исследованию кровоизлияния в указанной области слева обнаружено не было;
 - в заключении эксперта не приведена используемая литература, не указана область и локализация перелома левого рожа подъязычной кости;
 - непонятно, как установлен диагноз причины смерти - механическая асфиксия. Проводя исследование, и, направляя дополнительные материалы на дополнительные исследования, диагноз асфиксия, равно как и диагноз: шок, оба поставлены под вопросом. Гистологическое исследование не подтвердило диагноза, тогда не понятно, на основании чего экспертом установлен диагноз;
 - оспаривает выводы эксперта относительно времени наступления смерти от 2-4 часов, 12-18 часов на момент начала исследования. С приведением медицинских обоснований указывает, что эксперт приступил к исследованию уже после остывания трупа, что препятствовало установлению точного времени смерти. Труп перед исследованием не омывается, это нарушение методики;
 - эксперт приступил к своим обязанностям еще до назначения экспертизы, описал одежду трупа, тогда как непосредственно в секционном отделе труп уже находился без одежды. Следовательно, сведения о ней, ее загрязненности получены экспертом в нарушение закона, самостоятельно;
 - дополнительно отмечая ущербность выводов эксперта о диагнозе причины смерти, В. указывает, что общеасфиксические признаки характерны не только для асфиксии, но и для других состояний, когда смерть наступает быстро;
 - судом допущен обвинительный уклон по уголовному делу;
 - суд не стал выяснять, почему при допросе следователем ФИО4 тот не стал уточнять его показания в части диалога между В. и ФИО7, в ходе которого В. высказывал угрозы в адрес ФИО3;
 - судом указано на свойство памяти ФИО4, когда он оценивал его показания в части того, что они с В. выходили из бара, что не подтверждено на камерах видеонаблюдения. Однако, в этой части показания ФИО4 были стабильны;
 - судья не дал оценки тому, куда делись записи с камер видеонаблюдения;
 - судья снимал его вопросы, которые были адресованы ФИО4;
 - суд не оценил того, что после оглашения показаний допроса ФИО2 от 13 октября 2017 года, она их полностью не подтвердила;
-

- суд в приговоре намеренно исказил показания ФИО4 на листе 13 приговора, излагая показания свидетеля от 06 октября 2017 года, не указав, что в данный момент одежда находилась у свидетеля дома;

- суд, излагая показания ФИО4 в ходе проверки показаний на месте, добавил от себя "... и стал душить". Однако, про удушение свидетель не говорил;

- при изложении показаний ФИО4 от 21 февраля 2018 года суд также добавил от себя "обхватил сзади шею ФИО3, после чего стал душить";

- на листе 6 приговора, отражая показания ФИО2, суд указал, что с места осмотра она вместе с ФИО14 ездили к отцу ФИО3, в действительности она поясняла, что ездила со своей племянницей. Также не отражено в показаниях ФИО15, что кроме потерпевшей он возил ее родственницу;

- на листе приговора N 38 суд, обосновывая допустимость заключения эксперта, ссылается на пункт 2 части 4 статьи 55 УПК РФ, однако такой нормы в законе нет;

- суд первой инстанции полностью проигнорировал указание областного суда о необходимости обеспечения права на защиту, гарантировании соблюдения всех норм и требований [УПК РФ](#);

- до сегодняшнего момента не установлено: в какой стадии находился труп ФИО3 на момент начала исследования, гипостаза или стаза. Когда и каким образом эксперт получил сведения об одежде трупа, если приступил к исследованию, когда труп был уже раздет; где находился следователь и свидетель ФИО4 до приезда к нему за одеждой, куда увез одежду ФИО4 следователь, как она хранилась и в какой день была упакована; причину, по которой для получения показаний пригласили первого ФИО4, а не ранее судимого В.;

- отказ в проведении следственного (судебного эксперимента) на предмет удовлетворения или нет показаний ФИО4 о возможности наблюдения им из автомобиля каких-либо событий также указывает на обвинительный уклон суда;

- просит об отмене приговора.

Государственным обвинителем на жалобу защитника поданы возражения, в которых он указывает на согласие с приговором.

Судебная коллегия, заслушав участников процесса и оценив доводы апелляционных жалоб, приходит к следующим выводам.

Доводы жалоб осужденного о нарушении судом первой инстанции процессуального законодательства, судебная коллегия отклоняет, как несостоятельные.

Согласно пунктам 1, 3 статьи 6 "Конвенции о защите прав человека и основных свобод" (Заключена в г. Риме 04.11.1950), каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; вправе иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или через посредство выбранного

им самим защитника.

По настоящему уголовному делу эти требования соблюдены.

Протокол судебного заседания свидетельствует о том, что В. обеспечена возможность быть заслушанным компетентным судебным органом, по вопросам, связанным с предъявленным обвинением, принимать участие в исследовании доказательств, пользоваться услугами защитника, дать показания по существу предъявленного обвинения.

При этом, снимая ряд вопросов подсудимого при допросе свидетеля, суд действовал в своем праве, предоставленном ему положениями [статьи 257](#) УПК РФ, устанавливающей регламент судебного заседания. Анализ снятых вопросов свидетельствует об обоснованности таких мер принятых судом.

Довод о тенденциозности оценки доказательств по делу, суд апелляционной инстанции отклоняет.

Отказ в удовлетворении ходатайств не может расцениваться как выступление суда на стороне обвинения или защиты.

Разрешение ходатайств в ходе судебной процедуры и принятие по ним решения составляет суть отправления правосудия в установленной законом форме - рассмотрения дела по существу, что является реализацией дискреционных полномочий суда по разрешению дела.

Суд первой инстанции в вопросе достоверности показаний допрошенных по делу лиц руководствовался не формальным наличием противоречий между показаниями осужденного, свидетеля ФИО4, иными доказательствами, а правилами оценки доказательств, изложенными в положениях процессуального закона.

Мотивируя свою позицию о достоверности показаний ФИО8, суд основывался не самим фактом совместного проживания ее со свидетелем ФИО4, а фактом объективного подтверждения ее показаний относительно вопроса, имеющего отношение к предмету доказывания.

Приводя же мотивы отклонения показаний ФИО5, суд в первую очередь исходил не из того, что она сожительствует с В., а именно из-за неподтверждения ее показаний совокупностью исследованных доказательств.

Суммируя доводы обоих апелляторов о недопустимости отдельных доказательств, судебная коллегия указывает следующее.

Оснований для признания недопустимым доказательством протокола осмотра места происшествия от 06 октября 2017 года у суда первой инстанции не имелось.

Нормативное единство положений [статей 176, 177](#) УПК РФ в совокупности с положениями [статьи 164](#) УПК РФ, а также положениями [статьи 38](#) УПК РФ указывает на то, что целью данного следственного действия является обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Следователь, будучи наделенным правом руководства расследованием, действует по

собственному усмотрению, в том числе и определяя порядок производства следственного действия, а также количественно-качественный состав его участников.

Из показаний свидетеля ФИО13, ранее состоящего в должности следователя Тейковского МСО СУ СК РФ по Ивановской области, следует, что эксперт приезжал на место происшествия. Однако, присутствие эксперта на месте происшествия и его участие в производстве следственного действия не тождественны с процессуальной точки зрения.

При таких обстоятельствах, не указание эксперта, как участника следственного действия в протоколе осмотра места происшествия следователем, не делает данное процессуальное действие юридически ущербным, а протокол сам по себе не является по указанной причине недопустимым доказательством. Этот вывод суда верен.

Доводы защиты о том, что участники данного следственного действия, отраженные в протоколе, в частности ФИО2 и ФИО17 отлучались при проведении следственного действия, были проанализированы судом первой инстанции, выводы суда по этим обстоятельствам - верны.

В протоколе следственного действия отражено участие данных лиц. Он подписан ими.

Замечаний о том, что они не видели каких-либо обстоятельств производства следственного действия от указанных лиц не поступило.

Роль ФИО2, как участника следственного действия, фактически, что отражено в протоколе, сводилась к установлению личности трупа.

Доводы осужденного о том, что судом намеренно искажены показания свидетеля ФИО16 о том, что ФИО2 и ФИО17 уезжали с места происшествия, надуманны.

В протоколе судебного заседания имеются ссылки на эти обстоятельства, и они были доступны суду.

Анализ показаний, в том числе и ФИО16, привел суд к правильному выводу о том, что в период, когда выполнялось следственное действие следователем, указанные лица в нем участвовали непосредственно.

Суд, оценивая доводы защиты о неотражении в протоколе следов волочения трупа, следов протектора колеса автомобиля, обоснованно доверил сведениям объективных данных, в частности фототаблицы, где указанных следов в локации обнаружения трупа не усматривается.

Доводы жалоб обоих апелляторов о недопустимости в качестве доказательства заключения эксперта N, недостоверности данного доказательства, судебная коллегия отклоняет как несостоятельные.

Суд первой инстанции, анализируя данное доказательство, пришел к правильному выводу о том, что оно отвечает требованиям как допустимости, так и достоверности.

Относительно времени начала производства экспертизы судебная коллегия указывает следующее.

В заключении оно указано - 10 часов 30 минут 06 октября 2017 года.

Очевидность технической ошибки судом первой инстанции установлена правильно.

Уголовное дело возбуждено 06 октября 2017 года в 11 часов. Из постановления о назначении по делу судебно-медицинской экспертизы следует, что следователь, назначая ее, рассматривал материалы возбужденного уголовного дела, имеющего определенный номер, который присваивается именно по факту возбуждения дела.

При таких обстоятельствах, а также с учетом пояснений эксперта об описке в указании времени начала экспертизы, исключается достоверность довода стороны защиты о том, что экспертиза начата без соответствующего постановления или вообще до возбуждения уголовного дела.

Относительно доводов о неполноте заключения эксперта, неприведении методической базы исследования, судебная коллегия отклоняет их, как надуманные.

Исследовав данное доказательство, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что при производстве экспертизы соблюдены как требования процессуального законодательства, так и отраслевые нормативные и ведомственные акты в области здравоохранения, регулирующие соответствующие нормативные отношения и методологическую базу.

Экспертизу трупа ФИОЗ провел государственный эксперт, имеющий специальные познания в указанной области не только в связи со своим статусом, но также и по объективным данным о наличии у него медицинского образования и стажа работы по специальности в 33 года.

В заключении изложены сведения, обязательные к отражению на основании [статьи 204](#) УПК РФ. Оно содержит ссылку на разъяснение эксперту его прав, предусмотренных [статьей 57](#) УПК РФ, и ответственности по [статье 307](#) УК РФ.

Методологическая база проведенного исследования отражена - отмечен примененный метод Шора.

Доводы защиты о том, что это способ извлечения органокомплекса, сами по себе никак не опровергает, что такая методика исследования применена по факту, а также того, что это не является методом производства исследования.

Допрошенный эксперт также сослался на личный опыт производства подобного рода исследований, на что имел право как должностное лицо, обладающее специальными познаниями в указанной сфере и в силу образовательного ценза, и длительности практической деятельности.

Доводы защитника о том, что при производстве экспертизы дополнительные химические и гистологические исследования экспертов химика-ФИО11, медицинских экспертов - ФИО10, ФИО9 получены в нарушение процедуры экспертного исследования, судебная коллегия отклоняет.

Проведение экспертом в рамках производства им данной экспертизы необходимых дополнительных лабораторных и инструментальных исследований не только не нарушает ведомственного наставления по данному вопросу ([Приказ](#) Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010

N 346н "Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации"), но и обязывает эксперта поступать именно так, что отражено в положениях пунктов 72.2, 72.3, раздела 6, а также пункта 79 раздела 7, где разрешено проведение судебно-гистологических экспертных исследований, которые могут выполняться в процессе проведения экспертизы трупа и его частей.

Таким образом, данные исследования, являясь составной частью судебно-медицинской экспертизы, не требовали отдельного поручения или назначения в качестве экспертных от органа предварительного следствия, а эксперт не нарушил запрета на самостоятельный сбор сведений по экспертизе, установленного [пунктом 2 части 4 статьи 57 УПК РФ](#).

Указание суда первой инстанции в данной части верно, за исключением ссылки на номер [статьи 55 УПК РФ](#), которая подлежит уточнению.

Доводы осужденного о том, что экспертом не выполнено поручение следователя об изъятии срезов ногтевых пластин с содержимым и волос, сами по себе на выводы эксперта не влияют.

Доводы защиты о том, что не указано, что при производстве вскрытия присутствовал работник следственного комитета ФИО6, что следует из его показаний, судебная коллегия полагает не влияющими на законность производства экспертизы.

Порядок производства, а, следовательно, и лица, непосредственно участвующие при производстве исследований, определяются экспертом. К таковым эксперт отнес только лаборанта.

Доводы о том, что эксперт приступил к своим обязанностям еще до назначения экспертизы, что, по мнению осужденного, следует из того, что описана одежда ФИО2, тогда как по пояснениям ФИО6 в морге труп был уже без одежды, судебная коллегия отклоняет, как надуманные.

Из протокола осмотра следует, что труп ФИО2 направлен в морг в одежде. По этим обстоятельствам эксперт имел возможность по прибытии трупа в морг видеть ее и описывать в том числе и места загрязнений.

Доводы защиты о том, что не ясно, каким образом определена причина смерти погибшего, со ссылками на категории судебной медицины, касающиеся общеасфиксических признаков, судебная коллегия отвергает, поскольку они сводятся к безосновательной переоценке выводов эксперта.

Судебная коллегия указывает, что в связи со специфичностью области познания - судебной медицины, а также обязательным требованием закона ([статья 196 УПК РФ](#)), именно заключение эксперта в настоящем случае отвечает критериям обоснованности получаемой из данного доказательства информации, при том, что нарушений при его производстве не допущено.

Доводы осужденного о неустановлении диагноза в ходе гистологического исследования некорректны.

В настоящем случае в заключении судебно-медицинской экспертизы отражены выводы гистологического исследования, относящиеся к медицинской морфологии представленных на исследование объектов от трупа.

Их описание гистологом в итоге позволило установить причину смерти судебно-медицинскому эксперту, с учетом того, что гистологическое исследование явилось частью заключения судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинский диагноз в заключении эксперта указан, так же как и причина смерти.

Оснований ставить под сомнение выводы эксперта у судебной коллегии нет.

Суд верно положил данное заключение в обоснование своих выводов.

Доводы апелляторов о недопустимости в качестве доказательства протокола выемки одежды и обуви ФИО4 судебная коллегия отклоняет как несостоятельные.

Оформление процессуального протокола в настоящем случае в силу закона может не совпадать по времени с производством следственного действия, что предусмотрено положениями [статьи 166](#) УПК РФ.

Указание защиты на то, что показания ФИО8 ставят под сомнение производство данного следственного действия, ошибочны.

По факту одежда и обувь у ФИО4 были изъяты, об этом составлен протокол выемки. Факт изъятия одежды не отрицается ФИО4. Эта одежда является вещественным доказательством, приобщена к материалам уголовного дела. Таким образом, оснований утверждать о том, что она не изымалась, в принципе, нет.

Доводы о нарушении процедуры следственного эксперимента тем, что следователем задавались наводящие вопросы, а также тем, что, по мнению защиты, его участники были в состоянии опьянения судебная коллегия отклоняет, как надуманные.

Как следует из протокола данного следственного действия вопросы, расцененные осужденным как наводящие, таковыми не являются, а на уточнение показываемого ФИО4 по факту, следователь имел право, поскольку по положениям [статьи 181](#) УПК РФ следственный эксперимент проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события, в ходе него проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов.

Доводы о состоянии опьянения участвовавших в эксперименте лиц, судебная коллегия отклоняет, как голословные инсинуации. Подтверждений данным обстоятельствам нет.

Назначение дополнительной судебно-криминалистической экспертизы по итогам проведения следственного эксперимента не может расцениваться как нарушение закона, вне зависимости от того, что перед экспертом поставлен тот же вопрос. Этот вывод суда верен.

Судебная коллегия указывает, что при производстве первоначальной медико-криминалистической экспертизы анализировались показания ФИО4, в том числе в ходе очной ставки, при проверке показаний на месте.

В заключении дополнительной экспертизы анализу на предмет соответствия механизма образования травмы у ФИО3 подвергалось описание ФИО4 событий в ходе следственного эксперимента. При этом, у судебной коллегии нет оснований утверждать, что следствие таким образом искусственно восполняло доказательственную базу. Эти утверждения стороны защиты беспочвенны.

Доводы защиты о неясности выводов заключения трасологической экспертизы судебная коллегия отклоняет.

Они не основаны на содержании данного доказательства.

Указание эксперта в заключении на принадлежность изображенной на фото N 6 обуви В. судом первой инстанции верно расценено, как техническая ошибка.

Судом в заседании 28 декабря 2018 года непосредственно осмотрена обувь В. и ФИО4.

С учетом изложенного и непосредственного обозрения как обуви, так и исследования заключения эксперта, суд имел правовые основания для вывода о том, что соответствие размерно-групповой принадлежности 2 следов подошв обуви, изъятых с места происшествия, установлено применительно к подошве кроссовки для левой ноги, изъятой именно у В., а не у ФИО4.

Указанные выводы эксперта не носят категоричного характера о принадлежности следов, отпечатки которых изъяты с места происшествия именно В., это замечание апелляционной жалобы осужденного обоснованно.

Однако, не только это доказательство конкретно, а их совокупность положена в обоснование вывода о виновности в связи с чем такие выводы эксперта допустимы при мотивировке судом выводов о совокупности доказательств.

Указание в приговоре о том, что защитой не предоставлено доказательств тому что, что данные следы на месте происшествия оставлены не подошвами обуви, имеющими одинаковые характеристики с изъятой у В., лишь констатируют указанный факт, а не нарушают принцип презумпции невиновности, возлагающий бремя доказывания обвинения на сторону обвинения.

Суд оценил правильно доводы защиты об отсутствии оснований для признания недопустимым доказательством показаний В., данных им в качестве подозреваемого, якобы по причине нахождения последнего в состоянии опьянения и нарушении права на защиту.

Содержание протокола является тому подтверждением. Защитник в ходе допроса присутствовал.

Не является исключением из процессуальных правил прочтение протокола следственного действия участникам следователем вслух.

Кроме того, протокол содержит указание на то, что В. он также прочитан.

Не опровергают допустимости данного доказательства и показания свидетелей ФИО29 и ФИО36 о том, что в один из дней осени 2017 года при встрече с В. они выпивали. Допрос В. проведен в конкретный день - 06 октября 2017 года с 20 часов 30 минут до 21 часа 30 минут.

Таким образом, судом первой инстанции недопустимых или недостоверных из перечисленных доказательств в обоснование выводов о виновности В. не положено.

Помимо перечисленных доказательств вывод суда о виновности осужденного строится на показаниях свидетеля ФИО4, они подвергнуты скрупулезному анализу и оценены судом первой инстанции правильно, как достоверные.

Доводы осужденного о том, что в приговоре показания свидетеля приведены не полностью, суд отклоняет.

В приговоре приводится существо показаний. В отношении показаний ФИО4 данное требование соблюдено. Процессуальный закон не предусматривает полного переноса в приговор показаний свидетелей, для полного ознакомления с ними существует протокол судебного заседания и протоколы допросов в досудебной стадии.

Излагая показания данного свидетеля в ходе проверки показаний на месте, суд неуместно указал, что ФИО4 пояснял, что В. обхватил ФИО3 сзади в области груди, стал душить. На статисте показывались захваты, вместе с тем, по видеоряду установлено, что захват осуществлялся в верхней части груди. Это подлежит уточнению, но, поскольку касается лишь некорректного изложения, а не существа показаний, на допустимость данного доказательства это не влияет.

Излагая показания ФИО4 от 21 февраля 2018 года, данные в ходе следственного эксперимента, суд не искажил их существа. В них в частности говорится о захвате за шею и ее сдавлении, при этом по видеоряду установлено, что показано удушение.

Оснований для оговора со стороны ФИО4 в адрес В. судом первой инстанции не установлено, не усматривает их и судебная коллегия.

Доводы стороны защиты о непоследовательности позиции ФИО4 судебная коллегия отвергает. Во всех своих показаниях, данных в стадии предварительного следствия и в суде, ФИО4 последовательно давал изобличающие В. показания, в части совершения именно им преступления, то есть непосредственно по предмету доказывания ([статья 73 УПК РФ](#)). Оснований не доверять им не имеется.

Доводы жалобы о том, что видеоряд из бара свидетельствует о недружелюбном подходе именно ФИО4 к В., является бездоказательным утверждением с учетом показаний ФИО4 о том, что В. намеренно демонстрировал дружелюбие по отношению к ФИО3, преследуя свои цели, о чем говорил ФИО4.

Не является существенным противоречие в том, что ФИО4 пояснял, что выходил из бара для разговора с В., в ходе которого тот высказывал намерение убить ФИО2, а на видеозаписи этого не видно. В настоящем случае определяющим является сам факт подобного разговора, который свидетель всегда подтверждал.

Доводы защиты о том, что у погибшего были телесные повреждения на лице при чем прижизненные, а ФИО4 не описывал механизма их образования, в чем защитой усматривается противоречие относительно показаний ФИО4 о механизме совершения преступления, судебная коллегия отклоняет.

Свидетель дал пояснения только по тем обстоятельствам, которым он был очевидцем.

Доводы защиты о том, что показания ФИО4 инспирированы руководителем следственного органа ФИО6, судом отклонены правильно.

Ни ФИО6, ни ФИО4 эти обстоятельства не подтверждали. Наличие телефонных переговоров с родственниками ФИО4 в период производства следственных действий не указывает на какие-либо основания для недоверия его показаниям.

Суд оценил показания свидетелей ФИО5 и ФИО18, которые заявляли о том, что слов именно ФИО4 им известно об оказании на того давления оперативно-следственными органами и правильно отнесся к ним критически.

Наличие данных разговоров ФИО4 отрицал.

Доводы осужденного о том, что ввиду особенностей местности, кустов, стен магазина, ФИО4 в принципе не мог наблюдать происходящее, со ссылками на ФИО5, которая также проезжала в данной локации на разных автомобилях, не опровергают показаний ФИО4 о том, что он видел происходящее.

При этом, судебная коллегия указывает, что для подтверждения этих обстоятельств, какого-либо эксперимента, в том числе и в судебной стадии не требовалось.

Судом отдельно проанализированы сведения, полученные от ФИО4 в части наблюдения им механизма совершения преступления, и сопоставлены выводы двух экспертных заключений, основанных на материалах проверки показаний на месте и на материалах следственного эксперимента.

Суд обоснованно принял пояснения ФИО4 относительно данных обстоятельств, связанных с обстановкой проведения следственных действий и разных статистов (существенно отличающихся по антропометрическим характеристикам, что видно исходя из просмотренных записей, в том числе и в суде апелляционной инстанции), участвовавших при их проведении, верно посчитав противоречие устраненным.

Доводы о том, что показания ФИО7 и ФИО8, которым о событиях стало известно со слов ФИО4, не подлежат учету как свидетельские, не основаны на законе.

Они оба указали источник собственной осведомленности о произошедшем, что делает их показания допустимыми, исходя именно из свидетельского статуса, предусмотренного [статьей 56 УПК РФ](#), а также правил, установленных в положениях [пункта 2 части 2 статьи 75 УПК РФ](#).

ФИО7 подтвердил показания, данные в стадии предварительного следствия, о том, что ФИО4 рассказывал ему о намерении В. расправиться с ФИО3.

Таким образом, представленная в приговоре совокупность доказательств судом обосновано признана достаточной для вывода о доказанности совершения преступления В.

Признавая недостоверными показания В. о непричастности к совершенному преступлению, суд верно посчитал их опровергнутыми совокупностью допустимых и достоверных доказательств.

Судебная коллегия между тем указывает, что в соответствии с [частью 2 статьи 16](#) УПК РФ суд разъясняет обвиняемому его права и обеспечивает возможность защищаться всеми не запрещенными настоящим [Кодексом](#) способами и средствами, в том числе и дачей показаний, идущих вразрез с установленными судом по факту обстоятельствами. Придя к убеждению о доказанности виновности В., суд не должен ставить ему в процессуальный укор желание защищаться разрешенным способом. Эта сентенция подлежит исключению из приговора, но его сути не изменяет.

Логика правильно установленных судом фактических обстоятельств обвинения свидетельствует о том, что при нахождении в баре у ФИОЗ не было телесных повреждений. ФИО4 наблюдал факт удушения погибшего, а по экспертизе установлено наличие телесных повреждений в области головы и области туловища. Они определены как прижизненные и нанесенные тупыми твердыми предметами в пределах от нескольких минут (не более нескольких часов) до смерти. В связи с изложенным, судом правильно они оставлены как доказанные в своем происхождении от действий В.

Переходя к оценке вопроса о квалификации содеянного, судебная коллегия указывает следующее.

Преступление В. совершено умышленно, на что указывает то, что он предварительно рассказывал ФИО4 о необходимости расправиться с ФИОЗ.

Как установлено заключением эксперта причиной смерти ФИОЗ стала механическая асфиксия от сдавления шеи тупыми предметами. ФИО4 изначально описывались действия В. по удушению ФИОЗ, чему он был очевидцем.

Наличие воздействий в области шеи, - сосредоточения жизненно-важных структур фактическое их повреждение, привели суд первой инстанции к правильному выводу о направленности умысла осужденного на лишение жизни ФИОЗ.

Таким образом, именно по причине нанесения осужденным указанного телесного повреждения, погибший скончался. Причинно-следственная связь в настоящем материальном составе преступления правильно установлена судом первой инстанции как прямая и непосредственная.

Мотив совершения преступления - личная неприязнь установлен верно и подтвержден фактическими обстоятельствами совершенных осужденным действий.

Доводы защиты о том, что хищение телефона В. ФИОЗ не имеет отношения к мотиву совершения преступления, судебная коллегия отклоняет. Эти обстоятельства оценены судом в приговоре верно.

Неприязненные отношения были вызваны именно этими обстоятельствами. Это опосредованно следует из показаний ФИО4. В показаниях осужденного В., данных им в стадии предварительного следствия в статусе подозреваемого, положенных в обоснование приговора, им указано, что ФИОЗ похитил принадлежащий ему телефон. Обстоятельства совершения данного хищения были предметом доследственной проверки.

Действия В. по [части 1 статьи 105](#) УК РФ квалифицированы судом первой инстанции верно.

Суд, следуя установлениям [статьи 73](#) УПК РФ, оценил имеющееся в деле заключение экспертов-психиатров, ставить под сомнение которое оснований нет, и пришел к правильному выводу о вменяемости В. относительно совершенного преступления и необходимости назначения ему уголовного наказания. Проведенная по делу экспертиза является амбулаторной, а не стационарной. Указание в приговоре на проведение стационарной экспертизы является явной технической ошибкой.

Ревизируя приговор на предмет законности и справедливости назначенного наказания, судебная коллегия отмечает следующее.

Уголовно-правовая трактовка принципа справедливости в [УК РФ](#) изложена в [статье 6](#) и устанавливает, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного ([часть 1](#)).

Суд первой инстанции, применяя уголовный закон, данный принцип реализовал с учетом как совершенного В. особо тяжкого преступления, так и его личности.

Суд учел все характеризующие В. сведения и обстоятельства, то, что он судим, на учете у врачей нарколога и психиатра не состоит, работал без официального трудоустройства в г. Москва, участвовал в воспитании и содержании ребенка сожительницы ФИО5, по месту жительства участковым уполномоченным МО МВД России "Тейковский" характеризуется удовлетворительно, а соседями по месту жительства - положительно. В характеристике по месту отбывания наказания отмечено, что он трудоустроен не был из-за нежелания работать, слабо реагировал на мероприятия воспитательного характера, не принимал участия в общественной жизни, характеризовался, как грубый, замкнутый и хитрый.

Суд обоснованно учел в качестве смягчающих наказание обстоятельств: противоправное поведение потерпевшего ФИО3, связанное с хищением мобильного телефона, что явилось поводом к совершению преступления, а также наличие у В. на иждивении малолетнего ребенка ФИО5.

Кроме того, суд признал в качестве такового состояние здоровья В., имеющего определенные, подтвержденные документально, заболевания.

Судебная коллегия указывает, что таким образом судом первой инстанции в качестве смягчающих наказание обстоятельств приняты обстоятельства не только обязательные к таковому в силу закона ([часть 1 статьи 61](#) УК РФ), но и иные обстоятельства ([часть 2 статьи 61](#) УК РФ), что указывает на их учет по существу, без какого-либо формализма по отношению к наказанию осужденного.

Судом первой инстанции при назначении наказания также обоснованно учтено наличие в действиях В. отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного [пунктом "А" части 1 статьи 63](#) УК РФ, - рецидива преступлений.

В. в совершеннолетнем возрасте имеет на момент совершенного преступления, установленного обжалуемым приговором, непогашенную судимость за совершение тяжких и особо

тяжкого преступлений, по которым назначено наказание в виде лишения свободы, отбытое реально.

Вместе с тем, указание в приговоре на то, что В. имеет неснятые и непогашенные судимости, также то, что он неоднократно судим, юридически некорректно.

Как следует из материалов дела, действительно наказание в отношении В. назначалось двумя приговорами, вместе с тем, наказание назначено по совокупности преступлений, с применением положений [части 5 статьи 69](#) УК РФ, а совокупность преступлений юридически образует одну судимость.

Это подлежит уточнению в описательно-мотивировочной части приговора.

В силу положений [пункта "Б" части 3 статьи 18](#) УК РФ, совершение лицом особо тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо было осуждено за особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы образует особо опасный рецидив преступлений.

Судом первой инстанции разновидность рецидива в отношении В. определена верно.

Общие правила назначения наказания при наличииотячающего его обстоятельства - рецидива преступлений, изложенные в [части 2 статьи 68](#) УК РФ, устанавливают, что срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи [УК РФ](#).

Применение привилегированных правил назначения наказания при рецидиве преступлений, установленных в [части 3 статьи 68](#) УК РФ, является правом суда, которое может быть реализовано при наличии к тому оснований.

Судом первой инстанции, с учетом личности В., ранее также привлекавшегося к уголовной ответственности за совершение преступления против тождественного объекта уголовно-правовой охраны, совершившего установленное обжалуемым приговором особо тяжкое преступление при наличии непогашенной судимости, сделан мотивированный вывод о применении в отношении него правил [части 2 статьи 68](#) УК РФ при назначении наказания.

Судебная коллегия считает данный вывод правильным, отмечая, что фактические обстоятельства совершенного преступления указывают на то, что воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным для исправления осужденного и достижения цели назначения наказания, среди прочего состоящей в предупреждении совершения именно В. новых преступлений (частная превенция).

Суд, вопреки доводам дополнений к апелляционной жалобе осужденного, обоснованно учел в качестве отячающего наказания обстоятельства совершения преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя.

Факт употребления в день совершенного преступления алкогольсодержащих напитков не отрицается В. в показаниях. Из показаний свидетелей ФИО7 и ФИО4 этот факт также следует.

Фактические обстоятельства совершенных осужденным действий, как правильно установлено судом, безусловно, указывают на то, что именно алкогольное опьянение привело к утрате контроля В. за своим поведением, ввиду очевидности уголовно-правового запрета совершенных в отношении потерпевшего действий.

Изменение категории совершенного В. преступления на менее тяжкую невозможно в силу прямых установлений [части 6 статьи 15](#) УК РФ.

Реальное лишение свободы, как вид наказания судебная коллегия полагает единственно возможным с учетом личности В. и обстоятельств содеянного. Именно оно способствует достижению установленных в [статье 43](#) УК РФ целей наказания.

Правовых оснований для применения положений [статьи 73](#) УК РФ в отношении В., в действиях которого установлен особо опасный рецидив преступлений, у суда первой инстанции не имелось.

Объективно оценив обстоятельства, характеризующие как степень общественной опасности совершенного преступления, так и личность осужденного, суд обоснованно не усмотрел каких-либо исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью осужденного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень его общественной опасности.

Оснований для применения положений [статьи 64](#) УК РФ при назначении В. наказания у суда не имелось.

Судом первой инстанции правильно мотивировано применение дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

Повторное привлечение В. к уголовной ответственности за совершение преступления против тождественного объекта уголовно-правовой охраны в течение срока погашения предыдущей судимости указывает на то, что он требует постпенитенциарного контроля, а совершение им преступления против личности правильно обусловило установление как перечисленных в приговоре ограничений, так и периодичность исполнения обязанности о явке в специализированный государственный орган.

Неназначение максимального срока наказания в виде лишения свободы за совершенное преступление свидетельствует о применении судом при назначении наказания принципа гуманизма, согласно требованиям положений [статьи 7](#) УК РФ.

Приговор обоснован и законен, в связи с чем по доводам жалоб отмене не подлежит.

Руководствуясь [статьями 389.13, 389.20, 389.28, 389.33](#) УПК РФ, судебная коллегия

определила:

Приговор Тейковского районного суда Ивановской области от 30 января 2019 года в отношении В. оставить без изменения, апелляционные жалобы осужденного и его защитника - адвоката Л.Н. Дзиба - без удовлетворения.

На странице 13 описательно-мотивировочной части приговора в абзаце 2 исключить выражение "... и стал душить".

Уточнить в описательно-мотивировочной части приговора на странице 38 номер статьи, как 57 УПК РФ, исключив указание на [статью 55](#) указанного кодекса.

Уточнить в описательно-мотивировочной части приговора (страница 46), что В. имеет неснятую и непогашенную судимость, исключив из описательно-мотивировочной части приговора указания о неоднократных судимостях В.

Исключить в описательно-мотивировочной части приговора на странице 30 выражение "с целью избежать ответственности за содеянное".

Настоящее определение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в порядке, предусмотренном [Главой 47.1](#) УПК РФ.
